

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

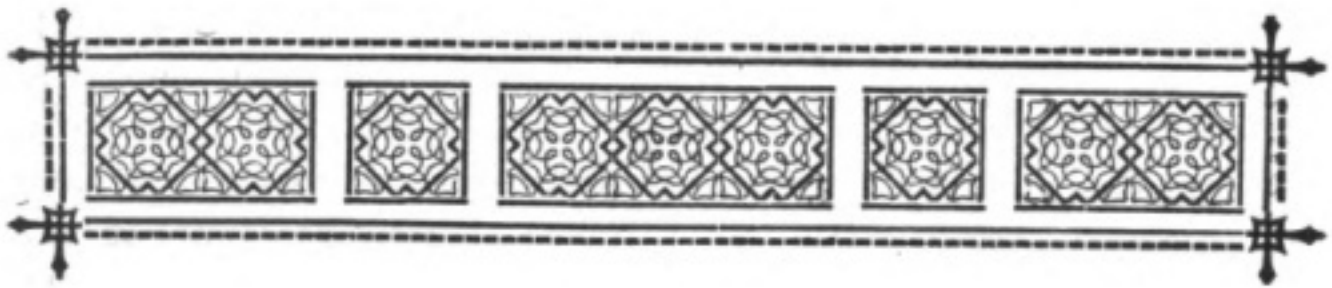
(Родился 31 марта 1839 г., умеръ 20 октября 1888 г.)

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскій, въ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года, въ торжественной рѣчи, между прочимъ, сказалъ: ...„Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукъ“...

„Гордиться заслугами предковъ пріятно и составляетъ нравственную обязанность потомковъ, пишетъ другой неперемѣнный секретарь Академіи Наукъ, Н. О. Дубровинъ ¹⁾, но переносить ихъ заслуги на себя, прикрываться ихъ блескомъ — едва-ли справедливо. Когда однажды, въ присутствіи Наполеона, многіе маршалы стали хвастаться своею родовитостью, Ней сказалъ: „у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ“. То же самое могъ сказать и Николай Михайловичъ, личные заслуги котораго были поводомъ къ разъясненію происхожденія рода Пржевальскихъ“.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Въ красномъ полѣ дворянскаго герба, пожалованнаго Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году ротмистру казачьихъ войскъ Карнилѣ Пржевальскому,

¹⁾ Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ. 1890.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

(Родился 31 марта 1839 г., умеръ 20 октября 1888 г.)

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскій, въ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года, въ торжественной рѣчи, между прочимъ, сказалъ: ...„Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукъ“...

„Гордиться заслугами предковъ пріятно и составляетъ нравственную обязанность потомковъ, пишетъ другой неперемѣнный секретарь Академіи Наукъ, Н. О. Дубровинъ ¹⁾, но переносить ихъ заслуги на себя, прикрываться ихъ блескомъ — едва-ли справедливо. Когда однажды, въ присутствіи Наполеона, многіе маршалы стали хвастаться своею родовитостію, Ней сказалъ: „у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ“. То же самое могъ сказать и Николай Михайловичъ, личные заслуги котораго были поводомъ къ разъясненію происхожденія рода Пржевальскихъ“.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Въ красномъ полѣ дворянскаго герба, пожалованнаго Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году ротмистру казачьихъ войскъ Карнилѣ Пржевальскому,

¹⁾ Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ. 1890.

изображенъ натянутый лукъ съ направленною вверхъ стрѣлою, а въ шлемѣ три страусовыхъ пера.

Дѣдъ ¹⁾ Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Единственный сынъ этого послѣдняго, Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой— есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ, будучи слабаго здоровья, оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и вскорѣ послѣ женитьбы основался на житѣе въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи „Отрадномъ“, рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены. Въ Отрадномъ Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Михаилъ Кузьмичъ скончался на 42 году жизни, когда его старшему сыну Николаю—впослѣдствіи знаменитому путешественнику, было всего семь лѣтъ. Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и хозяйство. У Николая Михайловича было двое братьевъ, Владиміръ и Евгений ²⁾. Дѣти пользовались большою, разумною свободою. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Николай Михайловичъ; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду“.

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было четыре—пять лѣтъ, когда, 1-го декабря, „въ память св. пророка Наума, чтобы наука шла на умъ“, посадили его за первый урокъ. Братъ Владиміръ прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ лѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ, и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Блестяція способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ Смоленской гимназіи. Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ,— ихъ первымъ воспитателемъ и другомъ—въ отдѣльномъ флигелѣ.

¹⁾ Пра-пра-пра-прадѣдъ, Григорій Корниловичъ, пра-пра-прадѣдъ, Лаврентій Григорьевичъ, пра-прадѣдъ, Мартынъ Лаврентьевичъ и прадѣдъ, Ѳома Мартыновичъ, ничѣмъ особеннымъ себя не заявили, и кто изъ нихъ и когда принялъ католичество—неизвѣстно.

²⁾ В. М. Пржевальскій впослѣдствіи талантливый юристъ и выдающійся присяжный повѣренный; умеръ въ 1900-мъ году. Нынѣ здравствующій, генераль-лейтенантъ въ отставкѣ, Е. М. Пржевальскій около сорока лѣтъ состоялъ преподавателемъ математики и механики въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ Москвѣ.

Сюда приходили они только ночевать, проведя весь день или на рыбной ловлѣ, или на охотѣ. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Имѣя же всего шестнадцать лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ въ гимназін и, какъ человекъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

Однако, какъ ни стремился Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда приходилось отрываться отъ родного уголка, отъ того, что съ раннихъ лѣтъ было свято, дорого и мило, тогда онъ невольно почувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее стало его беспокоить.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ предъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь“, обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—„Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни“, сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ“...

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и пьянства. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Николай Михайловичъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но получивъ отказъ говорилъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры—а только среди насъ.

„Прослуживъ пять лѣтъ въ армін, циншетъ Пржевальскій, потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ.

Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года, и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,—я хорошо понималъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился“.

Тогда же онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Усиленно готовясь къ экзамену, но въ то же время не желая лишить себя самага высокаго удовольствія, Николай Михайловичъ отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестности Кременца.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Пржевальскій, представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою... Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ, и когда предо мною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепеть пробѣжалъ по моимъ нервамъ, и это былъ трепеть безотчетнаго восторга. Великолѣпнѣе картины еще болѣе дополняло заходившее солнце, блѣдные лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ“.

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ на льготныхъ основаніяхъ, съ правами второго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, Николай Михайловичъ однажды спасъ одного изъ полковыхъ товарищей отъ суда, за опрометчивую растрату послѣднимъ казенныхъ денегъ.

„Милостивые государи! писалъ Н. М. Пржевальскій; товарищъ нашъ поручикъ К., при сдачѣ должности полкового квартирмистра, оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ полатиться своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмистромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: „я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло“.

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно проводилъ въ Отрадномъ, среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи сначала въ Африку, но затѣмъ, по зрѣломъ обсужденіи, въ Азію, командировка въ которую казалась возможной при его служебномъ положеніи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы хлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Желаніе его исполнилось: въ Варшавѣ онъ встрѣтился съ товарищами по академіи, которые ему помогли, въ декабрѣ 1864 года, быть назначеннымъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пржевальскій былъ прекрасный лекторъ: говорилъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажки любимчиковъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя мселенія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшенъ и жалокъ послѣ такой уступки?... Помните прекрасныя слова: „я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость“.

Настольными книгами Николая Михайловича были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей спеціальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги. Вставалъ онъ рано, ложился также не поздно, за исключеніемъ субботъ—вечеровъ, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета, профессора. Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить инициативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Обнаруживая громадную начитанность, онъ въ то же время умѣлъ обобщать и подчеркивать характерныя особенности. Онъ увлекался и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, какъ нѣкогда ваше присутствіе имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось“.

Природа съ ея красотою манила къ себѣ Пржевальскаго по-

стоянно, и мысль о путешествіи воскресала въ немъ съ прежней силой. Счастье улыбнулось ему: въ 1867 году онъ ѣдетъ въ Иркутскъ и получаетъ двухлѣтнюю служебную командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ географическаго общества поручаетъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекцію.

Въ спутники себѣ Пржевальскій взялъ въ Иркутскѣ юношу Ягунова, ученика-топографа.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, и Сибирь его поразила: — „дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились“, говоритъ Николай Михайловичъ.

Особенный интересъ и наблюденіе Пржевальскаго, теперь уже путешественника, привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойныя лѣса исчезаютъ, а являются лиственные самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ: дубу, липѣ и клену, примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево.

„Когда я, писалъ Николай Михайловичъ, въ первый разъ видѣлъ все это, то мнѣ живо представилась картина тропическаго лѣса: эти высокоствольныя деревья съ густыми вершинами напоминали собой пальмы, а вьющійся виноградникъ—ліаны тропическаго пояса. Какъ-то странно видѣть это смѣшеніе формъ сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградникомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтой. Охотничья собака отыскиваетъ вамъ медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго въ величинѣ и силѣ обитателю джунгловъ Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ человѣка, развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой дѣвственной природы....“

Чуть свѣтъ путешественники обыкновенно вставали, наскоро напившись чаю, отправлялись въ дальнѣйшій путь, а съ наступленіемъ вечера останавливались, просушивали собранныя растенія, препарировали птицъ и заносили въ дневникъ обо всемъ видѣнномъ въ теченіе дня.

Помимо экскурсій за птицами, Николай Михайловичъ охотился и за звѣрями и успѣшнѣе всего, изъ крупныхъ, за медвѣдями, причемъ, однажды столкнулся съ такимъ гигантомъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Сибири. „Будучи пробить первую пулею, пишетъ

Пржевальскій, на разстояніи сорока шаговъ, въ грудь на вылетъ, и ободренный вѣроятно еще тѣмъ, что я былъ одинъ, этотъ медвѣдь съ ревомъ бросился на меня. По счастью въ штуцерѣ оставался заряженнымъ другой стволъ и, быстро вскинувъ къ плечу свое ружье, я рѣшился подпустить чудовище какъ можно ближе, такъ какъ здѣсь уже сталъ вопросъ: быть или не быть. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадныя зубы... Когда медвѣдь приблизился на разстояніе четырехъ шаговъ, я спустилъ курокъ, и разъяренный звѣрь, съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопъ, рухнулъ на землю...“

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ, Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. „Присядешь, бывало, говорить онъ, на вершинѣ утеса, заглянешься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей зароятся въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и гдѣ волны того же самаго океана омывають берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи...“

„Погрузите затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею еще въ большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе маститаго океана!...“

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурийскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Окончивъ затѣмъ описаніе „путешествія въ Уссурийскій край“, Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ мало извѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочув-

ствіемъ, и вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Литке съ своимъ преемникомъ П. П. Семеновымъ помогли осуществленію экспедиціи.

„Въ началѣ ноября 1870 года, пишетъ Пржевальскій, прокативъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, я и мой молодой спутникъ Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, прибыли въ Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ внутренней Азіи“. Въ январѣ же 1871 года путешественники совершаютъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. „Вообще Гоби, говоритъ Николай Михайловичъ, своимъ однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ глазами являются одни и тѣ же образы—то неоглядныя равнины, отливающіяся желтоватымъ цвѣтомъ высохшей травы, то черноватая избороченная скалы, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена. Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, по-прежнему, угрюмой и непривѣтливой“...

Познакомившись съ Пекиномъ, съ членами русскаго посольства, заручившись китайскимъ паспортомъ, Н. М. Пржевальскій стремится въ самые дикіе, неизслѣдованные уголки. „Возьмите карту, писалъ онъ одному изъ друзей, и тамъ, гдѣ на ней едва черкнуто штрихами возлѣ города Нинъ-ся, тамъ высится громаднѣйшій Алашанскій хребетъ“. Въ этихъ горахъ Николай Михайловичъ проводитъ съ экспедиціей нѣсколько недѣль и какъ истый натуралистъ цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. „Взобравшись на высокую вершину, говоритъ Пржевальскій, съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любишь панорамой, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка,—воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы... проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, по-прежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокъ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосой

уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтической, чистый и безстрастный¹⁾.

Крайняя ограниченность матеріальныхъ средствъ экспедиціи и районный паспортъ китайскаго правительства вынуждали нашего путешественника возвратиться въ Пекинъ и потерять черезъ это не мало времени.

„Съ глубокимъ сокрушеннымъ сердцемъ, говорилъ Николай Михайловичъ, я долженъ былъ на этотъ разъ повернуть назадъ въ Пекинъ. Тяжелое чувство скорби понятно лишь человѣку, подошедшему къ порогу своихъ стремленій и не имѣющему возможности переступить его... Пекинская жизнь—это точь-въ-точь—Николаевская на Амурѣ. Разница лишь та, что вмѣсто водки пьютъ шампанское, такъ какъ всѣ чиновники получаютъ огромное содержаніе. Я безъ отвращенія не могу вспомнить объ этомъ городѣ, въ которомъ и теперь привелось прожить цѣлый мѣсяцъ. Дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ во всей моей жизни“.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Н. М. Пржевальскій, въ свое путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, при зимнихъ пребываніяхъ въ Николаевскѣ или Владивостокѣ, велъ большую игру въ карты, при томъ игралъ хорошо и счастливо, но товарищей никогда не допускалъ въ свою партію, а обыкновенно игралъ съ мѣстными купцами и морскими офицерами. Коммерческая игра, которая иногда устраивалась у Николая Михайловича на квартирѣ, весьма часто переходила въ азартную. Хозяинъ дома всегда понтировалъ и игралъ смѣло и ставилъ на карту по 200 и по 300 рублей. „Игралъ онъ, говоритъ М. П. Степановъ, чрезвычайно счастливо и почти не зналъ проигрыша; при выигрышѣ тысячи рублей всегда прекращалъ игру, и никогда не имѣлъ при себѣ болѣе пятисотъ рублей“. Деньги хранились у М. П. Степанова, которому было на строго запрещено выдавать ихъ во время игры, несмотря ни на какія просьбы; — запрещеніе строго исполнялось.

— Я играю, говорилъ Пржевальскій—для того, чтобы выиграть себѣ независимость, и дѣйствительно достигъ своей цѣли.

Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Николаевска, онъ бросилъ свои карты въ Амуръ.

— Съ Амуромъ, сказалъ онъ при этомъ, прощайте и амурскія привычки.

Такимъ образомъ, выигранный капиталъ, около пятнадцати ты-

¹⁾ Монголія и страна тангутовъ, т. I, 120.

сячь рублей, какъ нельзя болѣе кстати пригодился на первое центрально-азиатское путешествіе. И на этотъ разъ Николай Михайловичъ позаимствовалъ изъ собственнаго фонда на снаряженіе новой экскурсіи въ восточный Нань-Шань и далѣе черезъ Куку-Норъ въ Тибетъ, такъ какъ казенныхъ трехъ-четырехъ тысячъ рублей, съ натяжкой полученныхъ въ Пекинѣ, хватило лишь на осуществленіе первоначальныхъ монгольскихъ плановъ экспедиціи. Личный составъ экспедиціи значительно измѣнился. Вмѣсто двухъ казаковъ, оказавшихся ненадежными и тосковавшими по родинѣ, были присланы изъ Урги два новыхъ, прекрасныхъ и усердныхъ—Чебаевъ и Ирнчиновъ. Вскорѣ Николай Михайловичъ сблизился съ ними самую тѣсную дружбою и обходился какъ съ родными братьями, дѣлившими вмѣстѣ труды и опасности, горе и радости.

Прекраснымъ обновленнымъ караваномъ Пржевальскій, по оставленіи Пекина и Алашаня, вступилъ въ Гань-су. Богатая природа восточнаго Нань-Шаня дѣйствовала на душу впечатлительнаго путешественника самымъ благотворнымъ образомъ: въ общеніи съ природой онъ радовался какъ ребенокъ. Голубая окраска прозрачнаго неба, дикія скалы, дѣвственные лѣса Гань-су ласкали его взоръ постоянно, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ, считавшейся самою высшею точкою одного изъ Тэтунгскихъ хребтовъ, куда взобрался Николай Михайловичъ пѣшкомъ, и откуда открылась чудная панорама.

„Я первый разъ въ жизни, говоритъ онъ, находился на подобной высотѣ, впервые видѣлъ подъ своими ногами гигантскія горы, то изборозденныя дикими скалами, то оттѣненныя мягкою зеленью лѣсовъ, по которымъ блестящими лентами извивались горные ручьи. Сила впечатлѣнія была такъ велика, что я долго не могъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища, долго стоялъ, словно очарованный, и сохранилъ въ памяти этотъ день, какъ одинъ изъ счастливейшихъ въ цѣлой жизни...

„Но, торопясь сборами въ палаткѣ, я позабылъ взять съ собою зажигательныхъ спичекъ и никакъ не могъ добыть огня выстрѣлами изъ штуцера, такъ что долженъ былъ отложить свое измѣреніе до другого раза. Черезъ день я опять взошелъ на Сади-Саруксумъ, на этотъ разъ уже со всѣми принадлежностями кипѣнія. „Ну, гора, сейчасъ твоя тайна будетъ открыта“, сказалъ я, устроивъ свой кипяильникъ—и черезъ нѣсколько минутъ зналъ, что Сади-Саруксумъ вздымается на 13.600 футовъ надъ уровнемъ моря. Однако, такая высота еще не захватываетъ здѣсь снѣговой линіи, и я видѣлъ маленькіе кусочки льдистаго снѣга лишь подъ скалами, въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ солнечныхъ лучей“.

Между тѣмъ провинція Гань-су, въ которой находились путешественники, была объята мятежнымъ движеніемъ дунганъ. Разбойничьи партіи бродили по всей странѣ, несмотря на то, что большая часть городовъ была занята китайскими войсками. Слѣды дунганскаго истребленія встрѣчались на каждомъ шагу. Деревни, пощадшіяся очень часто, всѣ были разорены, вездѣ валялись человѣчскіе скелеты и нигдѣ не было видно ни одной живой души.

Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбойниковъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же проходящій въ тихомолку монгольскій караванъ, съ которымъ Николаю Михайловичу удалось направиться въ желаемомъ направленіи—къ Тибету... „Мы шли, говоритъ Н. М. Пржевальскій, тою самою тибетскою дорогою, по которой въ теченіе одиннадцати лѣтъ не осмѣлился пройти ни одинъ караванъ богомольцевъ, собирающихся обыкновенно сотнями для подобнаго путешествія. Насъ четырехъ разбойники боялись больше, чѣмъ всѣхъ китайскихъ войскъ въ совокупности и избѣгали встрѣчи. Во время стоянки у Чойбзана все было покойно, но лишь только мы откочевали въ горы, какъ опять появились дунгане, и разбой начались по-прежнему“.

Вскорѣ затѣмъ одна изъ завѣтныхъ цѣлей экспедиціи была достигнута! То, о чемъ недавно еще мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ добытъ цѣною многихъ испытаній, но тѣмъ обаятельнѣе чувствовался восторгъ у нашихъ путешественниковъ, передъ счастливыми взорами которыхъ открывался величественный бассейнъ Куку-нора, ласкавшій слухъ гуломъ темно-голубыхъ волнъ...

Но мѣръ того какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоустная молва опережала ее съ разказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полу-боги, не боящіеся разбойниковъ дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражаются за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная. Отъ желающихъ предсказаній не было отбоя. Къ Николаю Михайловичу приходили узнавать не только о судьбѣ дальнѣйшей жизни, но также о пропавшей скотинѣ, потерянной трубкѣ и т. п.; одинъ тангутскій князекъ серьезно добивался узнать средство, черезъ которое можно заставить его бесплодную жену имѣть хоть нѣсколько дѣтей...

За Цайдамомъ, путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ ихъ скорѣ застигли суровые морозы. „Глубокая зима, пишетъ Николай Михайловичъ, съ сильными морозами и бурями, полное лишеніе всего, даже самаго необходимаго, наконецъ, различныя

другія трудности—все это день въ день изнуряло наши силы. Жизнь наша была, въ полномъ смыслѣ, борьба за существованіе, и только сознаніе научной важности предпринятаго дѣла давало намъ энергію и силы для успѣшнаго выполненія своей задачи“.

Въ трескучіе морозы и леденящіе вѣтры сидѣть на лошади бывало невозможно, а идти пѣшкомъ, да еще съ оружіемъ, очень трудно при томъ разрѣженномъ воздухѣ, который былъ въ нагорьѣ: „малѣйшій подъемъ кажется очень труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся, по временамъ начинается головокруженіе и рвота“. Къ этому надо прибавить, что путешественники не мылись и не перемѣняли бѣлье: одну и ту же рубашку они носили дней по двадцати-тридцати и болѣе, потому что вымыть ее было и негдѣ, и некому. Предшествовавшее странствованіе совершенно уничтожило одежду—она была покрыта заплатами, а къ изношеннымъ голенищамъ сапогъ подшивали куски шкуръ разныхъ животныхъ, и въ такихъ ботинкахъ щеголяли наши путешественники въ самые сильные морозы.

Весною, 1873 года, экспедиція отправилась черезъ Цайдамъ обратно въ Гань-су. Часть лѣта путешественники провели въ знакомомъ хребтѣ Алашаньскомъ, гдѣ въ одно прекрасное время чуть не лишились всѣхъ своихъ научныхъ сокровищъ отъ неожиданнаго горнаго потока. „Глухой шумъ, говоритъ Николай Михайловичъ, еще издали возвѣстилъ намъ приближеніе этого потока, масса котораго увеличивалась съ каждою минутою. Мигомъ глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, какъ кофе, и стремившейся по крутому скату съ невообразимою быстротою. Огромные камни и цѣлыя груды меньшихъ обломковъ неслись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменные глыбы. Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя тучи мелкихъ камней и громадными массами бросала ихъ то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ—всѣ деревья были вырваны съ корнемъ, переломаны и перетерты на мелкіе кусочки... Еще минута, еще лишній футъ прибылой воды—наши коллекціи, труды всей экспедиціи погибли бы безвозвратно... Спасти ихъ нечего было и думать при такомъ быстромъ появленіи воды; впору было только самимъ убраться на ближайшія скалы. Бѣда была такъ неожиданна, такъ близка и такъ велика, что на меня нашелъ какой-то столбнякъ: я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и, будучи лицомъ къ лицу съ страшнымъ несча-

стіемъ, еще сомнѣвался въ его дѣйствительной возможности... Но счастье и теперь выручило насъ. Впереди нашей палатки находился небольшой обрывъ, на который волны начали бросать камни и вскорѣ нанесли ихъ такую грудю, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды. И мы были спасены“.

Теперь оставался послѣдній періодъ путешествія. Истомленные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія...

Особенно памятно было въ этомъ отношеніи 19-е іюня. Выступивъ отъ озера Далай-дабасу, путешественники направились по дорогѣ къ хребту Ханъ-ула. По словамъ проводниковъ, предстоялъ переходъ верстъ въ 25, на протяженіи которыхъ были два колодца въ разстояніи восьми верстъ другъ отъ друга. Первый колодецъ былъ дѣйствительно найденъ въ указанномъ мѣстѣ, и путешественники, напившись сами и напоивъ животныхъ, двинулись далѣе въ полной увѣренности встрѣтить скоро и второй колодецъ. Увѣренность была такъ велика, что одинъ изъ казаковъ предложилъ вылить изъ ведеръ запасную воду, чтобы не возить ее даромъ, но Николай Михайловичъ запретилъ это дѣлать, словно предчувствуя, что она будетъ спасеніемъ въ пустынѣ.

Не было еще семи часовъ утра, а жара становилась невыносимою. Прошли болѣе десяти верстъ, а колодца не встрѣтили. Монголь объявилъ, что по всей вѣроятности путешественники приняли нѣсколько въ сторону и сбились съ пути, онъ отправился на песочный холмъ посмотрѣть на окружающую мѣстность и минутъ черезъ двадцать сталъ звать къ себѣ. Караванъ повернулъ по указанному направленію и узналъ отъ проводника, что до колодца не болѣе пяти верстъ и надо идти напрямикъ. Прошли гораздо болѣе пяти верстъ, а колодца нѣтъ. Почва накалилась страшно, сухость воздуха была невообразимая. Запасъ воды истощился и оставалось на всѣхъ не болѣе полуведра.

— Далеко ли до воды? спрашивали проводника.

— Очень близко, отвѣчалъ онъ, за горкою.

Прошли верстъ десять, а воды нѣтъ. Видя безвыходность положенія, Пржевальскій отправилъ впередъ Пыльцова и монгола, чтобы они взяли воды изъ колодца и ѣхали имъ навстрѣчу. Проѣхавъ около пяти верстъ, Пыльцовъ все-таки не нашелъ колодца и вернулся назадъ. Замѣтивъ возвращеніе посланныхъ, Николай Михайловичъ думалъ, что вода найдена, но, къ сожалѣнію, узналъ, что до колодца еще далеко.

„Въ первое мгновеніе, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, я хотѣлъ застрѣлить проводника, такъ какъ онъ былъ главною при-

чиною всѣхъ нашихъ бѣдъ, но потомъ раздумалъ, что этимъ дѣло не поправится, а еще ухудшится, такъ какъ безъ него мы навѣрное не найдемъ колодца—и отколотилъ его (монгола) изо-всей силы... Положеніе наше было дѣйствительно страшное: воды оставалось въ это время не болѣе нѣсколькихъ стакановъ. Мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить совсѣмъ почти засохшій языкъ. Все тѣло наше горѣло, какъ въ огнѣ, голова кружилась чуть не до обморока. Еще часъ такого положенія, и мы бы погибли. Я ухватился за послѣднее средство: приказалъ одному казаку, взявъ кастрюлю и чайникъ, вмѣстѣ съ монголомъ скакать во весь опоръ къ колодцу за водою. Если же тамъ воды не окажется, или проводникъ вздумаетъ бѣжать, то я велѣлъ казаку убить его. Скоро въ пыли скрылись изъ глазъ посланные за водою, и мы брели по ихъ слѣду шагъ за шагомъ, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать показался казакъ, скачущій назадъ во весь опоръ, но что онъ везъ намъ? вѣсть ли о спасеніи, или о гибели? Пришпоривъ своихъ лошадей, которыя едва уже могли двигаться, мы поѣхали къ нему навстрѣчу, и съ радостью, доступною только человѣку, бывшему на волосъ отъ смерти и теперь спасенному, услышали, что колодець дѣйствительно есть и получили свѣжей воды. Напившись и помочивъ немного голову, мы поѣхали въ указанномъ направленіи и скоро достигли колодца. Дѣло это было уже въ два часа пополудни, такъ что по страшной жарѣ мы шли девять часовъ сряду и сдѣлали 34 версты“.

Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, путешественники вставали очень рано, до разсвѣта, но вьюченіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга словно земля обѣтованная манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Отсчитывались не только дни, но и часы, когда наступитъ конецъ путешествію.

„Жаль только, пишетъ Пржевальскій, что скоро идти нельзя: устали мы сильно, да при томъ, несмотря на конецъ августа, еще стояли день въ день жары. Нужно видѣть, въ какомъ теперь видѣ наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплаткахъ, фуражки походятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки всѣ поизорвались: осталось всего три полугнилыхъ, изъ которыхъ каждая не выносить болѣе недѣли. Каждый день мы отрываемъ отъ своихъ рубашекъ по отвалившемуся куску и носимъ ихъ (рубашки) донельзя, часто даже безъ рукавовъ“.

Въ такомъ видѣ и съ огромными лишеніями караванъ достигъ своего рода обѣтованной земли—долины рѣки Толы, громко и

пріятно струившей свои прозрачныя воды по галечному руслу. Монотонная тишина пустыни смѣнилась кипучей жизнью крупнаго молитвеннаго буддійскаго центра. Всюду сновали пѣшія и конныя компаніи пестро-одѣтыхъ монголовъ или китайцевъ. День пятого сентября (1873 года) былъ однимъ изъ счастливейшихъ дней путешественниковъ,—они попали въ родную среду, въ родное, русское консульство.

„Не берусь описать, говоритъ Николай Михайловичъ, впечатлѣніе той минуты, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку. Намъ, совершенно уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все казалось страннымъ, начиная отъ вилки и тарелки, до мебели, зеркаль и проч. Но уже на другой день намъ казалось, что мы какъ будто недѣлю жили среди всего этого. Прошедшая экспедиція и всѣ ея невзгоды казались теперь какимъ-то страшнымъ сномъ. Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали цѣлую ночь. Помывшись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только дня черезъ два мы начали приходить въ себя и ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ“.

„Путешествіе наше кончилось! Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи... Будучи нищими, относительно матеріальныхъ средствъ, мы только рядомъ постоянныхъ удачъ обезпечивали успѣхъ своего дѣла. Много разъ оно висѣло на волоскѣ, но счастливая судьба выручала насъ и дала возможность совершить посильное изслѣдованіе наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи“.

Дѣйствительно, результаты, добытые экспедиціею, были громадны. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ она прошла 11.100 верстъ, при чемъ 5.300 верстъ были сняты глазомѣрно *буссолюю*. Эта съемка доставила матеріалы для карты, которая обнимаетъ обширное неизслѣдованное пространство въ центральной Азіи до верховьевъ Голубой рѣки и даетъ впервые ясное понятіе о гидрографической системѣ Кукунорской области. Изслѣдованія Пржевальскаго указали, на основаніи положительныхъ данныхъ, на тѣ размѣры, до которыхъ достигаютъ высоты тибетскаго нагорья надъ уровнемъ моря. Независимо отъ этого, неутомимымъ путешественникомъ было сдѣлано въ девяти пунктахъ опредѣленіе магнитнаго склоненія и въ семи—горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. Ежедневно, четыре раза производились метеорологическія наблюденія, наблюдалась температура почвы и воды, измѣрялись сухость воздуха и абсолютныя высоты

мѣстности; производились изысканія этнографическія. Естественныя коллекціи поражали своимъ богатствомъ и разнообразіемъ образцовъ.

И вся экспедиція за три года обошлась отъ 13 до 19 тысячъ рублей, слѣдовательно приходилось только по пяти тысячъ рублей на годъ звонкою монетою. „Это такъ мало, писалъ Пржевальскій, одному изъ друзей, что я удивляюсь, какъ еще могли мы пройти такъ далеко, съ такими ничтожными средствами. Если бы это было дешево и легко, то почему же до сихъ поръ ни одинъ ученый путешественникъ не былъ въ странахъ, нами изслѣдованныхъ? Конечно, мнѣ нечего хвастаться передъ вами своими подвигами, но я скажу откровенно, что наше путешествіе достигло такихъ результатовъ, какихъ я самъ не ожидалъ“.

При этомъ необходимо пояснить, что Пржевальскій ходилъ по странѣ, охваченной возстаніемъ, только съ четырьмя спутниками, что они жили среди разбойниковъ и подвергали ежеминутно жизнь свою опасности; что они смѣло проникли туда, куда не рѣшался проникнуть ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ, искрестившихъ почти всѣ провинціи Китая со времени Тянь-цзинскихъ трактатовъ 1858 года, впервые открывшихъ эту страну любознательности путешественниковъ. Въ 1864 году геологъ путешественникъ Помпелли задумалъ смѣлую поѣздку изъ Пекина въ самый центръ Азіи, но, не достигнувъ до Желтой рѣки, отказался отъ своего намѣренія, опасаясь подвергнуть жизнь свою опасности. Баронъ Рихтгофенъ, посвятившій много лѣтъ на изученіе Китая, пытался проникнуть въ провинцію Гань-су, но опасаясь возстанія отказался отъ посѣщенія страны, лежащей на западъ отъ Желтой рѣки. „Одинъ Пржевальскій, говоритъ Н. Ѳ. Дубровинъ, отважно и настойчиво шелъ туда, куда вела его наука и слава Россіи“.

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его съ его достойнымъ сотрудникомъ, съ распростертыми объятіями... Пржевальскій былъ героемъ дня и создалъ вокругъ себя повышенную географическую атмосферу. Имя Пржевальскаго, словно сказочнаго героя, проникало во всѣ уголки.

Познакомивъ общество съ результатами путешествія и обезпечивъ изданіе своей книги, Пржевальскій, весною, уѣхалъ изъ Петербурга въ свое имѣніе Отрадное. Тамъ онъ ходилъ на охоту и восхищался деревенскою обстановкою. „Природа становится великолѣпно хороша, писалъ онъ одному своему пріятелю, лѣсъ распустился, все начинается цвѣсти; соловьевъ поетъ множество, словомъ, я опять въ любимой обстановкѣ, которая сразу благотѣльно подействовала на мое здоровье. Петербургскіе кашли и головныя боли сняты какъ рукою“... П. Козловъ.